

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-00-00>

УДК 008

ББК 71+26.89

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. А. В. Сухарев
г. Москва, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И МЕНТАЛЬНОСТИ СТРАН С ВЫРАЖЕННЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ УСКОРЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Работа выполнена на базе Института психологии Российской академии наук
по заданию ФАНО

Аннотация: Компаративный анализ развития государствообразующей русской ментальности является актуальным в связи со снижением показателей социальной направленности государственной политики и качества госуправления России в конце XX – начале XXI вв., общего падения уровня жизни и пр. В настоящей статье предпринята попытка сравнения развития и современного состояния русской, китайской и латиноамериканской ментальностей с позиций трансдисциплинарного этнофункционального подхода для выявления возможной связи характера этого развития с ускорением роста различных социально-экономических показателей рассматриваемых регионов. На основе результатов компаративного анализа развития ментальностей китайского, латиноамериканского коллективных субъектов было сделано предположение, что успешность их развития по различным социально-экономическим показателям в существенной мере обусловлена степенью интегрированности в ментальности этноинтегрирующих компонентов архаики, премодерна и модерна. Анализ историогенеза русской ментальности показал подавление, а в современности — низкий уровень этноинтеграции архаического компонента. Можно предположить, что снижение общих и, в частности, социальных показателей развития России в конце XX – начале XXI вв. обусловлено недостаточной степенью интеграции в русскую ментальность этноинтегрирующего архаического компонента. Также можно предположить, что подавление этноинтегрирующего архаического компонента в историогенезе русской ментальности является психологическим условием становления мобилизационного типа развития России.

Ключевые слова: русская ментальность, развитие, этнофункциональный подход, архаика, премодерн, модерн.

Информация об авторе: Александр Владимирович Сухарев — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, Ярославская ул., д. 13, корп. 1, 129366 г. Москва, России. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-3799-8180>. E-mail: zavor753@mail.ru

Дата отправки статьи: 11.12.2019

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Сухарев А. В. Сопоставительный анализ русской ментальности и ментальности стран с выраженными показателями ускорения развития // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 110–121. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-00-00>

Введение

В настоящей статье предпринята попытка компаративного анализа развития русской, китайской и латиноамериканской ментальностей с позиций *трансдисциплинарного этнофункционального подхода* и выявления возможной связи характера этого развития с ускорением роста различных социально-экономических показателей рассматриваемых регионов [14; 15]. Выбор стран, в контексте которых осуществлялось сравнение развития русской ментальности, обусловлен тем, что в конце XX – начале XXI вв. они отличались наиболее высокими темпами развития среди развивающихся стран по различным междисциплинарным показателям¹. Наиболее высокими абсолютными показателями выделяются Индия и Китай, однако Китаю присущ эгалитарный (более гуманистический и ориентированный на социальную справедливость) цивилизационный тип, по сравнению с элитарным типом индийской цивилизации [9, с. 86]. В исследованиях о Китае и странах Латинской Америки речь идет не просто о высоких темпах развития, а об «экономическом чуде». Производят впечатление *темпы роста показателей гуманной социальной политики* в данных регионах [8; 9; 18, р. 14]. Представляет интерес сравнение выраженной динамики *социальной направленности* показателей развития Китая и стран Латинской Америки с *отрицательной динамикой таких показателей в России в XXI в.*: снижение/рост младенческой смертности, увеличение/снижение продолжительности жизни, доступность/недоступность образования и медицинского обслуживания и др. [1; 8; 9; и др.].

Теоретическая основа исследования

Трансдисциплинарный *этнофункциональный подход* специально разработан для исследования гуманитарных систем с учетом специфики природно-культурного ареала их происхождения [14; 15]. Развитие этнических систем характеризуются природными, культурно-психологическими, антропо-биологическими, а также трансцендентными (религиозными и др.) факторами. Когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты отношений *коллективного субъекта* (А. Л. Журавлев), согласно *принципу этнофункциональности*, наделяются *этнической функцией* — этноинтегрирующей, этнодифференцирующей и нейтральной (некоторые философские и естественнонаучные представления), что позволяет учитывать *специфику его развития в различных природно-культурных ареалах*. Этноинтегрирующие компоненты способствуют интеграции ментальности общества, а этнодифференцирующие — обуславливают адаптационные реакции, расходующие энергетический потенциал, но могут и способствовать выработке коллективным и индивидуальным субъектом творческих решений. Кроме того, этнофункциональный подход опирается на принципы *этнофункциональной системности, единства микро- и макрокосма* (аналогия содержания и последовательности этапов развития индивидуального и коллективного субъектов), *развития и субъектности*. В общем случае адаптационные реакции могут возникать при *искажениях этнофункционального развития* субъекта, которые проявляются как при этнодифференцирующих

¹ Среди таких стран с очень высокими темпами развития часто называют Индию, Бразилию, Мексику, Китай, Венесуэлу, некоторые страны Юго-Восточной Азии и Африки.

воздействиях, так и нарушениях последовательности этапов его этнофункционального развития [14; 15].

Исследования индивидуального субъекта показывают, что *ведущая роль этноинтегрирующей функции архаических природных и природно-анимистических представлений* в развитии и адаптации личности по показателям уровня усвоения нравственных норм, выраженности эмоциональных расстройств, уровня общего и креативного интеллекта и др. Существенно меньшую роль в адаптации и развитии субъекта играет выраженность этнической функции надэтнически-религиозных представлений (*премодерн*, А. Г. Дугин). Несмотря на то что представления *модерна* имеют нейтральную этническую функцию, их включение в ментальность личности без предварительного прохождения стадий архаики и премодерна может обуславливать искажение ее развития и дезадаптированность. В соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма, результаты, полученные для индивида, могут использоваться для анализа поведения коллективного субъекта [14; 15].

В соответствии с положениями этнофункционального подхода, *ментальность* субъекта (индивидуального и коллективного) имеет *слоистую структуру*, в общем случае включающую сформировавшиеся в историогенезе компоненты архаики, премодерна, модерна и постмодерна. *Архаическая ментальность* характеризуется непосредственностью взаимодействия с природой, например, по показателям относительно более простых и множественных форм взаимодействия человека и природы, минимумом отчуждения, наличием хтонических представлений, большей синкретичностью, и т. п. Ментальность *премодерна*, признавая возможность рационального познания, предполагает, что источник порядка трансцендентен, находится за пределами возможностей чувственного познания. Для *ментальности модерна* характерен рационализм, универсализм, вера в научно-технологический прогресс и т. п. В своем этнофункциональном развитии ментальность индивидуального и коллективного субъекта проходит стадии архаики, премодерна и модерна, с учетом этнической функции соответствующих представлений. Искажения этнофункционального развития могут проявляться в выпадении (например, вследствие политического подавления) из ментальности субъекта тех или иных представлений, изменения их последовательности, включение этнодифференцирующих представлений и пр.

В качестве приоритетных показателей уровня общественного развития наряду с прочими мы рассматривали те, которые непосредственно связаны с *субъективным качеством жизни*, а именно, некоторые показатели социального развития, в частности, образования и медицинского обслуживания: доступность образования широким слоям населения, бесплатность и высокое качество медицинского обслуживания и др. Исследования показывают, что степень этноинтегрированности ментальности коллективного субъекта может обуславливать его нравственно-гуманистическую направленность и высокое качество госуправления [15, с. 207–208].

Степень интегрированности ментальности коллективных субъектов мы определяем по показателю наличия/отсутствия (выпадения) и соотношения в ней этноинтегрирующих компонентов архаики, премодерна, а также модерна: 1) *низкое значение*: отсутствие в письменных источниках и историографии представлений упомянутых компонентов и наличие их тотального политического (идеологического) подавления; 2) *среднее значение*: наличие соответствующих представлений в и отсутствие их идеологического подавления; 3) *высокое значение*: непротиворечивая интеграция (синтез) компонентов ментальности.

В настоящей работе предполагается, что более высокая степень интеграции компонентов ментальности, прежде всего, *архаики*, связана с более высокими междисциплинарными показателями социально-экономического развития, высоким качеством госуправления и гуманистической направленности, по меньшей мере, внутренней политики.

Развитие русской ментальности

Современное состояние

После 1991 г., при акцентировании компонента модерна (цифровизация и т. п.), *компонент премодерна в русской ментальности получил государственную поддержку*. Очевидно, что в современной русской ментальности, в частности, представленной в письменных и историографических источниках, имеются компоненты архаики, премодерна и модерна. Соответственно, русская дохристианская ментальность, христианская и ментальность модерна (прежде всего, естественнонаучные представления) могут открыто обсуждаться и находить выражение в письменной речи или текстах без какого-либо идеологического подавления. Однако обращает на себя внимание тот факт, что субъекты-носители различных компонентов часто находятся в достаточно противоречивых взаимоотношениях.

Представленность этноинтегрирующего архаического компонента русской ментальности письменных и историографических источниках в Новейшее время как предмета веры, по-видимому, можно фиксировать не ранее конца 1980-х гг. по публикациям представителей общественного течения так называемых «родноверов», не имеющих официального статуса.

Причем масштаб распространения «родноверия» постоянно растет: проходят международные съезды с участием представителей Украины, Литвы, Беларуси, Польши, Чехословакии и др. Согласно исследованиям, проведенным в 2013 г., «язычника-ми», т. е. людьми, «исповедующими традиционную религию предков, поклоняющимися богам и силам природы», среди всех народов России считают себя 1,5% населения. Эти «языческие» общины часто противопоставляют себя, с одной стороны, официальному православию (хотя встречается и «православное» родноверие), а с другой — «псевдонаучным теориям» [12].

Как правило, отношение населения к этноинтегрирующим архаическим представлениям, в частности, анимистическим олицетворениям природных стихий и явлений, нейтрально-положительное, т. е. как к «сказкам», а к православию — в целом положительное. Вместе с тем в 2014 г. на открытии XVIII Всемирного Русского народного Собора Патриарх Московский и всея Руси Кирилл официально представил позицию Русской православной церкви в отношении к «неоязычеству» (родноверию). Он отметил, что на пути сохранения национальной памяти, к сожалению, возникают достаточно болезненные и опасные явления. К таковым относятся попытки конструировать, отмечал патриарх, псевдорусские языческие верования. С одной стороны, они связаны с крайне низкой оценкой религиозного выбора русских людей, тысячу лет живущих в лоне Православной Церкви, а также исторического пути, пройденного православной Русью. С другой стороны, по словам Кирилла, это может быть проявлением убежденности в своем личном и узкогрупповом превосходстве над собственным народом [12].

В то же время у ряда представителей духовенства часто вызывает отрицательные оценки такое все более распространяющееся явление современной жизни, как ознакомление детей с этноинтегрирующими фольклорными представлениями, являющи-

мися дохристианскими (анимистическими) в историческом рассмотрении (о бабе-яге, лешем, водяном и пр.). Например, Ярославская Епархия РПЦ официально выступила с осуждением подобных явлений: «Власть предрешающая покровительствует обожествлению сказочных героев: бабы-яги и водяного. Искусственно создаются неоязыческие капища, в которых начинают совершаться псевдорелигиозные обряды, к участию в этих обрядах привлекаются дети. К бесовским капищам прокладывают туристические тропы. Тысячи людей вовлекаются в поклонение бесу, причиняя страшный вред своим бессмертным душам <...>. Если властям водяной и баба-яга ближе, чем Христос, Божия Матерь и наши святые, то такая власть достойна сожаления, как и избравший ее народ» [17].

Отметим, что *раскол русской ментальности по линии «дохристианской – христианской компоненты»*, начавший было разрешаться с XII в., но стигматизированный не позднее XIV в. [10; 14], *сохраняется также у мирян, духовенства и даже неверующих и в наше время, т. е. отношение различных групп людей к данным компонентам противоположное и чаще эмоционально «заряженное».*

Историогенез русской ментальности: компоненты архаики, преמודерна и модерна

Анализ развития русской ментальности с позиций этнофункционального подхода был осуществлен нами в предыдущих публикациях [14; 15]. В настоящем кратком изложении результатов анализа следует отметить, что в ментальности Древней Руси с Крещения до начала татаро-монгольского завоевания (XI–XII вв.) были представлены идеологически «терпимые» архаические природно-анимистические и т. п. и христианские представления. Среди духовного сословия даже могли успешно развиваться натурфилософские и естественнонаучные концепции (Кирик Новгородец), наряду с относительно терпимым отношением к этноинтегрирующим дохристианским традициям [10; 14, с. 116–137]. После начала золотоордынского периода ментальность древнерусского общества, особенно ее властных сословий, по сравнению с западноевропейскими странами, стала гораздо менее этноинтегрирована. Это было обусловлено, на наш взгляд, подавлением духовенством «еретического» дохристианского и естественнонаучного компонентов (последний исходил преимущественно от католиков) в ментальности властных слоев общества. По утверждению Н. М. Гальковского, с XIV в. гражданская власть берет на себя обязанность карать грех внешними мерами [14, с. 180]. По примеру Византии государственная власть начала принимать активное участие в нравственном исправлении общества², что способствовало вытеснению дохристианских представлений, как минимум, из ментальности властных сословий (Н. М. Гальковский, А. М. Панченко, И. Я. Фроянов, В. Я. Шапов и др.) [14]. Как великокняжеская власть, так и власть митрополитов в указанный период легитимизировалась ханским ярлыком. Церковный институт оказался под защитой верховного сюзерена завоеванной страны. Согласно митрополиту Макарию, в ярлыке хана Менгу-Темира митрополиту Кириллу II (около 1266–1267 гг.) говорится: кто веру русских похулит, тот умрет злою смертью. То же говорится и в ярлыке хана Узбека митрополиту Петру в 1313 г. и т. д. [14, с. 181–182]. Хуление веры исходило преимущественно от русских язычников. Повидимому, гражданская власть и ордынские ханы также действовали заодно (и весьма успешно) в политическом подавлении дохристианских религиозных представлений.

² Борьба церковных властей с дохристианскими и еретическими представлениями в целом, поддерживаемая властью, продолжалась достаточно долго — до XVIII в. [14; и др.].

Ранее нами было показано, что степень интеграции древнерусским субъектом архаического и естественнонаучного компонентов до XVIII в. была несравненно ниже, чем данный уровень у коллективного западноевропейского субъекта эпохи Возрождения [13]. С XVIII в. начался период мобилизационной модернизации России (активное внедрение естественнонаучного компонента), при сохранении компонента преמודерна (православие), а для властных слоев теоретически доступным стал и этноинтегрирующий (и не только) архаический компонент [14]. В наших ранее проведенных исследованиях было показано, что, вследствие длительного подавления (с XIV по XVIII вв.) в ментальности властных слоев общества архаического компонента, последняя постепенно обретала все более выраженные признаки недостаточной психологической зрелости, такие, как незрелое копирование западноевропейских образцов даже в быту (О. В. Ключевский), недооценка необходимости нахождения внутренних источников развития России и пр. [14, с. 59–62, 197–200].

Таким образом, мы полагаем, что на современном «не мобилизационном этапе» [14, с. 112, 213, 305] низкая степень этноинтегрированности русской архаической ментальности может обуславливать современный низкий уровень социально-экономического развития, спад рождаемости, низкий уровень нравственности и качества госуправления, прежде всего, характеризующие ментальность русской элиты [6; 14, с. 321; и др.].

Результаты краткого исследования развития ментальности Китая с позиций этнофункционального подхода были опубликованы нами ранее [15, с. 192–212]. В отличие от русской, ментальность Китая, согласно исторической науке, не только имела более длительный период развития как целое, но и характеризовалась синкретизмом компонентов архаики (даосизм), преמודерна (буддизм) и модерна (представление об общем благе в конфуцианстве). На рубеже VI–VII в. н.э. конфуцианец Ван Тун создал концепцию синтеза трех учений («религиозного синкретизма») — даосизма, буддизма и конфуцианства, что определило их сближение и взаимовлияние, в том числе и в образовании. С XX в. весьма радикально, но очень органично в своем дальнейшем развитии в китайскую ментальность был включен компонент теоретического квантифицируемого естественнонаучного знания европейского типа.

Успехи современного Китая в различных областях, в том числе их выраженная социальная направленность, не вызывают сомнений. В его развитии традиции успешно сочетаются с модернизацией, выдающимися социально-экономическими достижениями и высоким качеством госуправления. Для китайской «эгалитарной» модели развития характерно сохранение в обществе базы национальной самобытности, справедливости и равенства.

Мы полагаем, что такие показатели развития ментальности китайского коллективного субъекта, как гуманистическая направленности (нравственность), высокое качество государственного управления (интеллект) и др., могут быть обусловлены высокой степенью этноинтеграции ее компонентов — архаики, преמודерна и модерна — их синтезом.

Ментальность Латинской Америки

Если рассматривать латиноамериканскую культуру в целом, то, по мнению ряда специалистов Института Латинской Америки РАН, в ней преобладают фольклорные мотивы, народные песни, народные танцы, которые остаются живой и важнейшей частью национального самосознания [11]. Как свидетельствуют многочисленные исследова-

дования, латиноамериканская ментальность характеризуется прежде всего наличием чрезвычайно распространенной афро-кубинской религии — *сантерии*, которая является развивающейся синкретической религией переходного типа, основанной на католицизме и сохраняющей свой этнический индейский стержень. При том что сантерия и ее разновидности в разных странах обычно считаются африканского происхождения, в Институте этнологии РАН было убедительно показано, что под всеми напластованиями, исходящими от завезенных африканских рабов с начала XVII в., в основе сантерии лежат аутохтонные индейские верования. В частности, об их аутохтонном происхождении свидетельствует то, что среди как индейцев, так и негров в равной мере распространен культ сейбы (огромных деревьев), связанный с душами предков. В этом культе непосредственное взаимодействие человека и природы осуществляется с помощью важнейших мифологических персонажей сантерии, духов гуихе-хигуэ, связанных с дождями и живущих в кронах священных деревьев. Этимология названий этих духов прослеживается в языках коренных народов Центральной и Южной Америки [2; 5; и др.]. Для латиноамериканской ментальности характерен также *синкретизм современных научных представлений (модерн), преמודерна (католицизм) и архаики, включающей идеал слияния человека с природой и ее одухотворение, приоритет родовых отношений даже среди элиты* [2; 5; 11; 19; и др.]. Религиозные олицетворения в сантерии часто имеют двоякий или тройкий характер. Верховный бог Оролуна, создатель мира, имеет помощников — ориш. Ориши олицетворяют различные силы природы и природные стихии, и в то же время они могут олицетворять христианские представления. Например, ориша Ошала ассоциируется с Иисусом Христом, является повелителем Земли и вместе с тем представляет слияние человека и природы. Мать всех ориш Йеманжа ассоциируется с Девой Марией и является богиней верности, дружбы, брака, деторождения. В сантерии, таким образом, мы видим синкретизм этноинтегрирующих дохристианских и христианских представлений (архаики и преמודерна). Встречаются и синкретизм архаики, преמודерна и модерна. Например, ориша Ианса управляет молниями, ветром, любовной страстью и оргазмами, и в то же время ей подчиняются все электрические явления и электроприборы. То есть в представлении об этой орише осуществляется синтез *как архаических, так и современных научно-технологических представлений модерна* [7].

Вместе с тем практически для всех стран Латинской Америки в начале XXI в. характерно нарастание национальной и *социальной направленности* внутренней политики — доступности качественного образования и медицины, снижения детской смертности, снижение уровня бедности и пр., наряду с впечатляющим ростом большинства показателей *социально-экономического развития* в различных областях [16; 18; 20; и др.].

Как *показатель роста уровня нравственности и социальной направленности* латиноамериканского коллективного субъекта, также можно рассматривать и нарастание с конца XX в. в ментальности латиноамериканских стран тенденций к активной религиозно-нравственной социальной позиции — *«теологии освобождения»*. По сравнению с традиционным католицизмом, с его невмешательством в политику и направленностью на индивидуальное спасение души, в основе теологии освобождения лежит религиозный синкретизм и непримиримость к социальной несправедливости, а бедность полагается источником греха [5; и др.].

Таким образом, в начале XXI в. в большинстве стран Латинской Америки (кроме Гаити и Венесуэлы, по разным причинам) имеет место небывалый рост показателей

экономического и политического развития. Обращает на себя внимание также *нарастание социальной направленности внутренней политики государств*, что отражается в важнейших гуманитарных показателях. Наряду с этим *в ментальности латиноамериканских стран имеет место очень высокая степень синтеза компонентов этноинтегрирующей архаики, преמודерна и модерна*.

Обсуждение результатов

Краткий компаративный этнофункциональный анализ показал, что высокая степень этноинтеграции компонентов ментальности, прежде всего архаического и преמודерна, у коллективных субъектов Китая и Латинской Америки, а также преמודерна и модерна (их синтез), связана с повышением показателей социально-экономического развития соответствующих регионов, включая значимые показатели социальной направленности.

Согласно ранее проведенным исследованиям, синтез указанных компонентов ментальности также имел место в эпоху западноевропейского Возрождения [13]. Для эпохи Возрождения были характерны мощное культурная интеграция и развитие, а также гуманизм, развитие технологий, зарождение и развитие науки в современном понимании [3, с. 136, 166, 308, 313; 4, с. 505].

В то же время для современной русской ментальности, в отличие от латиноамериканской и китайской, имеющих высокую степень этноинтеграции, характерно взаимное негативное восприятие индивидами и социальными группами носителей компонентов этноинтегрирующей архаики (дохристианские представления) и преמודерна (христианство).

Таким образом, на современном этапе развития русской ментальности, по сравнению с развитием ментальности Китая, Латинской Америки и европейской ментальности эпохи Возрождения, компоненты архаики и преמודерна и отчасти модерна являются существенно в меньшей степени этноинтегрированы. При этом социально-экономические показатели развития России неуклонно снижаются. Особенно это относится к социально значимым показателям, таким, как снижение качества и доступности медицинского обслуживания, образования, росту уровня бедности и пр. Согласно результатам исследования, психологическое условие становления *мобилизационного* типа развития России, отмечаемое историками и экономистами (Е. В. Алексеева, Н. М. Морозов и др.) заключается в том, что в русской ментальности была подавлена этноинтегрирующая природно-анимистическая составляющая, отвечающая за становление регулятивного потенциала энергии коллективного субъекта, тогда как природно-образная составляющая, отвечающая за уровень его энергетического потенциала, сохранилась [14; 15]. Наличие в ментальности субъекта этноинтегрирующих природных и природно-анимистических компонентов (при сохранении компонентов преמודерна и модерна) является условием повышения уровня его нравственности и уровня репродуктивного и креативного интеллекта, «сглаживающих» и гармонизирующих распределение энергии коллективного субъекта, в частности, руководящих элит [14, с. 67, 68] Отсутствие гармонизирующих проявлений «аффекта и интеллекта» у коллективного субъекта может обуславливать то, что колоссальные выбросы мобилизационной энергии в истории России (эпоха Петра I, революция 1917 г. и др.), как правило, сменяются «застоями», тогда как *эволюционный* тип, например, западноевропейского развития (Е. В. Алексеева др.), предполагает относительно взвешенное распределение энергетического потенциала субъекта во времени и пространстве [14].

Единство развития психологических, культурных, социально-экономических и др. показателей развития коллективного субъекта может объясняться с позиций философско-антропологической этнофункциональной концепции синтеза хаоса и космоса [15].

Существенным результатом исследования является также подтверждение и операционализация важной роли архаики в цивилизационном процессе, уже отмечавшейся ранее в исследованиях (В. М. Хачатурян и др.).

Выводы

В итоге проведенного компаративного этнофункционального анализа развития ментальностей русского, китайского, латиноамериканского коллективных субъектов можно предположить, что развитие соответствующих регионов по различным социально-экономическим и гуманитарным показателям в существенной мере может быть обусловлено уровнем этноинтегрированности в ментальности компонентов архаики, пре-модерна и модерна. Анализ историогенеза русской ментальности показал подавление, а в современности — низкий уровень интеграции этноинтегрирующего архаического компонента. Снижение социально-гуманитарных показателей развития России, снижение качества ее государственного управления и др. в конце XX — начале XXI вв. может быть обусловлено недостаточной интеграций данного компонента в русскую ментальность. Подавление этноинтегрирующего архаического компонента в историогенезе русской ментальности также могло являться психологическим условием становления мобилизационного типа развития России. Если полученные результаты подтвердятся в дальнейших исследованиях, то для оптимизации развития России будет плодотворным осуществление определенных мер по этноинтеграции ее ментальности, в частности, компонентов этноинтегрирующей архаики (дохристианских представлений) и пре-модерна (христианских представлений). Реализация данных мер предполагается прежде всего в области образования на его ранних этапах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аксенова Н. А. Анализ изменения возрастных показателей рождаемости и смертности в России // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 839–845. URL: <https://moluch.ru/archive/103/23992/> (дата обращения: 14.09.2020).
- 2 Бородатова А. А. Культ сейбы на Кубе: к вопросу об индейском субстрате в культуре кубинцев // Америка после Клумба: взаимодействие двух миров. М.: Наука, 1992. С. 144–171.
- 3 Буркгард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск: Русич, 2003. 442 с.
- 4 Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. М.: Наука, 1980. 567 с.
- 5 Данненберг А. Н. Кубинская сантерия: опыт религиозного синкретизма. Государство, религия, церковь за рубежом. М.: Изд-во РАНХиГС, 2011. Вып. 2. С. 150–160.
- 6 Демографическая политика: соотношение и статистика рождаемости и смертности по России. 2019 // Инфографика.ру. URL: <https://infografics.ru/all/rozhdaiemosti-smertnost-v-rossii/> (дата обращения: 11.12.2019).
- 7 Дау Кэрл Л. Афро-Бразильская магия / пер. с англ. Н. Шпет; под ред. А. Костенко. Киев: София, 1997. 228 с.
- 8 Кузнецова Э. Г. Социальная политика в странах Латинской Америки в начале XXI в.: преемственность и перемены // Латинская Америка. 2012. № 6. С. 21–27.

- 9 Лунев С. И., Воскресенский А. Д. Сравнительный анализ воздействия цивилизационных особенностей сверхкрупных стран на социально-экономическое развитие // COMPARATIVE POLITICS, RUSSIA. 2016. Vol. 7. № 3. С. 85–106.
- 10 Мильков В. В. Основные направления древнерусской мысли // Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 110–343.
- 11 Нагорный А. А. К югу от США: Латинская Америка вчера, сегодня, завтра. Беседа с учеными Института Латинской Америки Российской академии наук // Изборский клуб. 2016. № 1. URL: <https://izborsk-club.ru/8550> (дата обращения: 10.01.2019).
- 12 Родноверие // Wikipedia.org. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Родноверие> (дата обращения: 08.04.2017).
- 13 Сухарев А. В. Этнофункциональный анализ развития европейской ментальности в эпоху Возрождения // Вестник славянских культур. 2012. № 4 (XXVI). С. 127–135.
- 14 Сухарев А. В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2017. 397 с.
- 15 Сухарев А. В. Хаос и космос в ментальности субъекта. М.: Когито-Центр, 2019. 276 с.
- 16 Яковлев П. П. Латинская Америка: меняющийся облик // Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/latinskaja_amerika_menajushhijsa_oblik_2007-03-19.htm (дата обращения: 19.03.2019).
- 17 Ярославская епархия протестует по поводу устройства музея бабы-яги // Русская линия. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=718691> (дата обращения: 07.05.2017).
- 18 Brea J. Population Dynamics in Latin America // Population Bulletin. 2003. March. Vol. 58. № 1. 37 p.
- 19 Leatham M. New Religious Movements: New Religious Movements in Latin America // Encyclopedia of Religion / edited by Lindsay Jones. Detroit: Macmillan Reference USA, 2005. Vol. 10. P. 6575–6582.
- 20 World Economic and Financial Surveys. World Economic Outlook Database. Electronic resource // Imf.org. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/index.aspx> (дата обращения: 19.02.2019).

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN MENTALITY AND THAT OF THE NATIONS WITH PRONOUNCED INDICATORS OF DEVELOPMENT ACCELERATION

Acknowledgements: The paper was carried out on the basis of the Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences on the instruction of FANO.

Abstract: The paper shows that comparative analysis of Russian mentality development relevancy is due to the decline in indicators of social orientation of state policy and quality of public administration at the end of 20th – beginning of 21th century and in living standards, etc. The development and current state of Russian, Chinese and Latin American mentalities viewed from the standpoint of transdisciplinary ethno-functional analysis was compared with the aim to identify possible connection of this

development with accelerated growth of various socio-economic indicators of the regions under study. The results of this comparative analysis of the above mentioned collective subjects development allowed assuming that the growth of their various socio-economic indicators is determined by the high level of self-reflection of ethno-integrating components of archaic, pre-modern and modern elements. The analysis of Russian mentality historic genesis detected the suppression — and in modern times — the low level of ethno-integration of the archaic component. It allows concluding that the decline in social indicators of Russia's development in the late 20th – early 21th centuries results from the insufficient integration of this component in the Russian mentality. It also makes for arguing that suppressing of the ethno-integrating archaic component in terms of Russian mentality genesis may act as a psychological condition for the formation of the mobilization type of development of Russia in general.

Keywords: Russian mentality, development, ethno-functional approach, archaic, premodern, modern.

Information about the author: Alexander V. Sukharev — DSc in Psychology Professor, Leading Research Fellow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Yaroslavskaia St., 13, bldg 1, 129366 Moscow, Russia. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-3799-8180> E-mail: zavor753@mail.ru

Received: December 11, 2019

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Sukharev A. V. Comparative analysis of Russian mentality development and that of the nations with pronounced indicators of development acceleration. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 00–00. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-00-00>

REFERENCES

- 1 Akseanova N. A. Analiz izmeneniia vozrastnykh pokazatelei rozhdaemosti i smertnosti v Rossii [Analysis of changes in age indicators of fertility and mortality in Russia]. *Molodoi uchenyi*, 2015, no 23 (103), pp. 839–845. Available at: <https://moluch.ru/archive/103/23992/> (accessed 14 September 2020). (In Russian)
- 2 Borodatova A. A. Kul't seiby na Kube: k voprosu ob indeiskom substrate v kul'ture kubintsev [The cult of Ceiba in Cuba: on the issue of the native American substratum in Cuban culture]. *Amerika posle Kolumba: vzaimodeistvie dvukh mirov* [America after Columbus: interaction of two worlds]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 144–171. (In Russian)
- 3 Burkgard Ia. *Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniia* [Italian culture in the Renaissance]. Smolensk, Rusich Publ., 2003. 442 p. (In Russian)
- 4 Gaidenko P. P. *Evoliutsiia poniatii nauki* [Evolution of the concept of science]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 567 p. (In Russian)
- 5 Dannenberg A. N. *Kubinskaia santeriia: opyt religioznogo sinkretizma. Gosudarstvo, religiia, tserkov' za rubezhom* [Cuban Santeria: the experience of religious syncretism. State, religion, Church abroad]. Moscow, Izdatel'stvo RANKhIGS Publ., 2011, vol. 2, pp. 150–160. (In Russian)
- 6 Demograficheskaia politika: sootnoshenie i statistika rozhdaemosti i smertnosti po Rossii. 2019 [Demographic policy: ratio and statistics of birth and death rates in Russia. 2019]. *Infografika.ru*. Available at: <https://infografics.ru/all/rozhdmost-i-smertnost-v-rossii/> (accessed 11 December 2019). (In Russian)

- 7 Dau Kerol L. *Afro-Brazil'skaia magiia* [Afro-Brazilian magic], translated from English by N. Shpet; edited by A. Kostenko. Kiev, Sofiia Publ., 1997. 228 p. (In Russian)
- 8 Kuznetsova E. G. Sotsial'naia politika v stranakh Latinskoï Ameriki v nachale XXI v.: preemstvennost' i peremeny [Social policy in Latin America at the beginning of the 21st century: continuity and change]. *Latinskaia Amerika*, 2012, no 6, pp. 21–27. (In Russian)
- 9 Lunev S. I., Voskresenskii A. D. Sravnitel'nyi analiz vozdeistviia tsivilizatsionnykh osobennostei sverkhkrupnykh stran na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie [Comparative analysis of the impact of civilizational features of super-large countries on socio-economic development]. *COMPARATIVE POLITICS, RUSSIA*, 2016, vol. 7, no 3, pp. 85–106. (In Russian)
- 10 Mil'kov V. V. Osnovnye napravleniia drevnerusskoï mysli [Main directions of ancient Russian thought]. Gromov M. N., Mil'kov V. V. *Ideinye techeniia drevnerusskoï mysli* [Ideological currents of Old Russian thought]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGI Publ., 2001, pp. 110–343. (In Russian)
- 11 Nagorniĭ A. A. K iugu ot SShA: Latinskaia Amerika vchera, segodnia, zavtra. Beseda s uchenymi Instituta Latinskoï Ameriki Rossiiskoi akademii nauk [To the South of the United States: Latin America yesterday, today and tomorrow. Conversation with scientists from the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences]. *Izborskii klub*, 2016, no 1. Available at: <https://izborsk-club.ru/8550> (accessed 10 January 2019). (In Russian)
- 12 Rodnoverie [Rodnoverie]. *Wikipedia.org*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Rodnoverie> (accessed 08 April 2017). (In Russian)
- 13 Sukharev A. V. Etnofunktional'nyi analiz razvitiia evropeiskoi mental'nosti v epokhu Vozrozhdeniia [Ethnofunctional analysis of the development of European mentality in the Renaissance]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2012, no 4 (XXVI), pp. 127–135. (In Russian)
- 14 Sukharev A. V. *Razvitie russkoï mental'nosti* [Evolution of Russian mentality]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN Publ., 2017. 397 p. (In Russian)
- 15 Sukharev A. V. *Khaos i kosmos v mental'nosti sub"ekta* [Chaos and cosmos in the subject's mentality]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2019. 276 p. (In Russian)
- 16 Iakovlev P. P. Latinskaia Amerika: meniaiushchiisia oblik [Latin America: a changing face]. *Perspektivy* [Prospects]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/latinskaja_amerika_menajushhijsa_oblik_2007-03-19.htm (accessed 19 March 2019). (In Russian)
- 17 Iaroslavskaiia eparkhiia protestuet po povodu ustroistva muzeia baby-iagi [Yaroslavl diocese protests against arranging Baba-Yaga Museum]. *Russkaia liniia* [Russian line]. Available at: <http://rusk.ru/st.php?idar=718691> (accessed 07 May 2017). (In Russian)
- 18 Brea J. Population Dynamics in Latin America. *Population Bulletin*. 2003 March. Vol. 58. No. 1. 37 p. (In English)
- 19 Leatham M. New Religious Movements: New Religious Movements in Latin America. *Encyclopedia of Religion*, edited by Lindsay Jones. Detroit, Macmillan Reference USA Publ., 2005, vol. 10, pp. 6575–6582. (In English)
- 20 World Economic and Financial Surveys. World Economic Outlook Database. Electronic resource. *Imf.org*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/index.aspx> (accessed 19 February 2019). (In English)